

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Марина Белкина

О Т В Е Т

"Здоровье Воланда!"

"Невидима и свободна!"

Невидима и свободна!" -

Читаю!

Понтий Пилат. "Умываю руки", - т.е. ухожу в тень. "Умываю руки", т.е. не могу больше ничего сделать. "Умываю руки" - бессилён. Неправда. Ещё силен. Иешуа бы не умыл руки, пока жив. А Пилат? Предел возможностей его там, где кончается гарантия безопасности. Но разве он - предатель? Сделал всё, что мог... в этих условиях.

Да, он полюбил арестанта. Значит, по отношению к своей душе. Да, он увидел, что тот невиновен. Значит, по отношению к своей совести. Да, он старался спасти. Но остался невредим и не спас. Значит, по отношению к истине слов: "сделал всё, что мог".

"Трусость, несомненно, один из самых главных пороков".

"Нет, философ, я возражаю тебе: самый страшный порок."

Бессмертие. Чье? Иешуа. Потому что он не арестант.

И - бессмертие Пилата: бессмертие слов "умываю руки".

Мастер. /Его первое явление Иванушке/.

Ассоциация с "Идиотом" Достоевского:

Деликатно.

И правду.

Поэт Иван Бездомный. Несмотря на невежество, душа не глухая. Слушает. Потому ~~ни~~ мастер говорил. А почему Иван неохотно называл профессию "поэт"? Потому что: не поэт. Мастеру стыдно признаться, что ты поэт. Тоже. Но Иван еще не знал, кто перед ним. Но почувствовал истину в собеседнике. Сразу. Пилат тоже не знал, кто перед ним, но сразу приоткрыл глаза удивленно.

Иешуа.

Мастер.

Первый мост между ними: истина обоих.

Мастер и Иван.

- "А вам, что же, мои стихи не нравятся?"

- "Ужасно не нравятся."

— "А вы какие читали?"

— "Никаких я ваших стихов не читал!"

Деликатное слово, и выразительнее не надо. Вежливо — убийственно — непреклонное: "не нравятся".

А хорошо, что просто: мастер. Нет никакой фамилии... Он не один из... /Моссолита/, а один. Мастер!

Мастер и Маргарита.

И прелесть ее в том, что она не листала книги, а "протирала тряпкой корешки". Ведь мастер зачитался бы. А она земная. Мастер и Маргарита. Иначе нельзя.

/НИпечатали отрывок из романа мастера/.

Критики почуяли кормежку. "Пилатчина"... "Старообрядец"... "Враг"... Кто хлеще? Чтобы больше привлечь внимание к своей праведной фамилии в конце статьи. Иначе можно оказаться в положении мастера. Но — Эти — с подобострастной готовностью — набросились. Пилат в тысячу раз благороднее... Но ужас в том, что исток один. Предательства подневольного, предательства с удовольствием... Боязнь за себя.

Алоизий Могарыч.

Смутный мост к Иуде. Не знаю... Пока друг.

Мастер!

"Было так ясно на лице его:

"Царство моё не от мира сего."

А когда "от мира сего" — не царство, мелочь тогда.

Тогда "мир литературный":

— "Вы писатель?"

— "Безусловно."

— "Покажите удостоверение."

"Лаврович один в шести и столовая дубом обшита."

О, господи! Нет, не "господи". О, Воланд!

Мастер — писатель? Да. Я не принимаю на веру. Я прочитала три главы из его романа. Читала: были встревожены ум и совесть.

В последней душили слезы. Писатель? Да.

Бескудников, Загринов, Рюхин, Сладкий, Шпичкин — /фамилии гоголевские — характеризующие/ — писатели? Нет. Какие произведения читала? Да никаких. Заранее "не нравится". Знаю. "Впрочем, разве что чудо". Сытость и творчество не совместимо. Потому что сытость покупается.

Маргарита. Жизнелюбивое имя. Она та, кого описывают. За кем наблюдает — мастер. А не наблюдатель сама. Она участник жизни.

Алоизий Могарыч. Почему этот друг мог объяснить любую статью?.. В мастере всё чуждо статьям...

Мастер и Маргарита. "Со мною будет нехорошо. Я не хочу, чтобы ты погибла со мной." — "Только эта причина?" — спросила она и приблизила свои глаза к моим." Так увидела это движение. И эти глаза. Не важны всякие его: "забудь меня"... "одумайся"... Одно!

— "Только эта."

И ответ тогда на все его озабоченные "но": "Ну тебя к черту с твоими учеными словами..."

В больнице новенький. Еще один клиент Воланда. Приехал в сумасшедший дом. Куда же еще? Ага, Никанор Иванович — неудавшийся валютчик. Все, кого касался Воланд — встревожены душой. Это полезно.

А это из речи мастера не расслышано. Начинаются безличные предложения, потому что безличная сила. "Сошел с ~~шиши~~ трапа" — "к нему подошли". "Откуда звонят?" — "сказали откуда". Лаконично и ясно. Одного облика опущенные ответы на вопросы: кто? откуда? что не расслышано?

И опять мост: Иешуа — Мастер. Нищий философ? Больше вреда от него первосвященнику, чем от Ю убийц Вар-Раванов. Он же мастер. Рукописи не горят.

Но сгорели рукописи в Грибоедове? С удовольствием. Не те рукописи. Не горит мысль.

И опять радуга: Иешуа — Мастер.

Духовность — против нее сила физическая.

Бессилие этой силы.

Казнь Иешуа.

Муки мастера.

Но победил первосвященник Каифа?

Победили гонители мастера?

Рукописи не горят.

/Встреча с Азazelло./ Упомянула черта машинально — и тут же он явился. К услугам.

Азazelло. Ропщет слегка на начальника. Ревнует к любимчику. "Надо было Бегемота посылать, он обаятельный." /Отношения к компании./

Маргарита.

"И вышла она из трамвая шурясь на солнце". Молодец! Деятельность спасительная в ее натуре. Нравятся её: "черт знает что", "вы что бредите"... — резкие, не жеманные.

"Пришли арестовать?" Интересные герои в этой книге, которых есть за что арестовывать.

Маргарита.

Мне нравится ее резковатый язык. И правильный. Простой, но не простоватый. Вот ее речь и речь поэта Ивана Бездомного:

Маргарита: "Лезу в какую-то странную историю, но клянусь, только из-за того, что вы поманили меня словами о нем!"

Поэт: "Я извиняюсь, вы не можете подождать минутку? Я хочу товарищу пару слов сказать."

Маргарита может сказать: "Если ты, сволочь, еще раз позволишь себе впутаться в чужой разговор..." Но "извиняюсь" — никогда. И вряд ли Воланд. И даже у Берлиоза язык все же поворачивается естественно: "~~из~~вините". Разных окрасок у Маргариты и у Иванушки эта чуть грубоватость.

Азazelло. "Но разговаривать с влюбленными женщинами..." А потому что они не подчиняются никаким правилам. Волшебная душа! Она не боится волшебства — она ждет его. И принимает как должное. И оно приходит! Но. Женщине сказали о внешности. Не комплимент. И "Маргарита вспыхнула". Сквозь все тайны, любовь, несчастье — укол прямой.

/Маргарита преображенная и Наташа/. Красота любой ценой! Каждая бы связалась с дьяволом, чтобы получить этот крем. Никаких мыслей у Наташи: куда? зачем? откуда? Одно: как? Любым путем: как?! И Маргариту отражение в зеркале загло. Хороша! Радость! А теперь ничего не боюсь, когда такая.

Маргарита. /Прощание./ "Вообще вы все мне так надоели, что я выразить вам этого не могу... Ну вас к чертовой матери." Прелесть Маргарита. Солидарна!

"Оглянулась на особняк, где так долго мучалась." Обычно "последнее прости" дому, где жила и т.д. А она только и точно: где мучалась.

Но нет в книге гоголевского ночного ужаса. Нет. Трезвость дня. Дневной слог. Каждому действию или предмету — определение. Не просто — "спросил", а спросил: как?

"Куда же вы спешите?" — спросил Воланд вежливо, но суховато". И вопрос этот — слышу, не просто прочитала о нем. И еще. Железная воля и любезный тон. Среди отточенных слов, домашние, при-творно ослабляющие власть выражения: "надо бы сказать", "как мы конечно понимаем", "к большому сожалению"... Также Воланд на Патриарших: рассказав о Понтии Пилате, выводит слушателей из оцепенения, отпускает словами, а глазом держит своим.

Падают слова: "Было десять часов утра".

И тут же он милостиво ставит себя вровень слушателям:

"Да, было десять часов утра, милейший Иван Николаевич".

И еще. А весело читать! Жизнь в книге кипит: звуки, краски, лица, события. Москва! А она не темная, не таинственная — переулки, трамваи, нагретый асфальт, "граждане", "братья во литературе", "я извиняюсь" — всё это день. Дневной голос писателя. Неделя чтения — полет. Все силы мои душевные пели. А сейчас в ней тает и больно от этого процесса. И нет прикаянности в других книгах. Но это потом. А пока — радость: уютный полет Маргариты над Арбатом освещенным.

Плыли крыши. Река и ручейки голов. Взгляд сверху. Как здорово! Летишь с ней!

Ага, дом Драмлита! Это нищие поэты. "В пустыне мрачной". "Влачатся". Пророки!

Дом, Литератора, мне нравится, и Драматурга. Литератор Достоев-

ский. Драматург Шекспир.

/Разгром квартиры критика Латунского/.

Ах, вот оно что! Подвески на люстре.

А Мастер замерзал и пальто без пуговиц на морозе. За честность.

А этот за подлость вот как.

Мастер хотел броситься под трамвай, а вот критик, который все эти блага получил за предательство. Не тридцать тетрадрахм, а побольше. Начал с тридцати.

Маргарита. /бьет следующие стекла/. Раз уж здесь, почему б не воспользоваться.

Мастер страдает.

Маргарита мстит.

Мог бы мастер ~~шанши~~ так сам?

Нет.

Здесь нужна чисто женская злость.

Это не мужская месть. Это месть за него.

Разгром! Только Маргарите надо было оставить записку критику.

Чтобы знал: за что.

"За литературу".

ПОЛЕТ! "Невидима и свободна! Невидима и свободна!" — как ветер от полета над Москвой — этот самый звонкий голос этой книги разноголосой!

Полет! Где-то внизу в ночи ползет поезд.

И уколом!:

земное,
обычное,
бывшее.

На секунду тоска: по беспомощно-человеческому, своему-человеческому. Но прочь. Полет!

Догоняет Наташа — ведьма! На Николае Ивановиче — борове! Крем Азazelло обнажает суть.

Наташа кричит: "Маргарита Николаевна!" Мне нравится "Николаевна" в этой ситуации. Улетела через главные ворота на щетке. Хороша. А хорошо!

Полет! /река, толстяк.../

Молодец Маргарита! "С достоинством" она ответила "длинным непечатным ругательством", а "смягчаясь" — "сукин сын".

А чудно ее купание ночью! Броситься в черную теплую воду. Полет! Наполняет душу. Солидарна!

Полет! /черти на даче/. Лягушки на реке поют приветствия...

Наташа уже "полетела назад помочь приготовить наряд для королевы"... И вдруг — переключка с "Алисой в зазеркалье" /мультфильмом/.

Королева Алиса — королева Маргарита.

ПОЛЕТ!

И полет безудержных фантазий авторов. Оба устроили волшебство. Себе такой путь открыли — делай, что хочешь. Нет рамок реального. А вообще, они себе путь да просто талантом открыли. Потому примем, что хотят. Но Маргарита взрослая, и книга, как сообщает какой-нибудь критик в предисловии, "со сложнейшими философскими концепциями". Хорошо, впечатляюще, но это обложка. Дальше! А дальше: "любовь", "смерть", "жертвенность" — очень хорошо, но это титульный лист. Теперь содержание. Доказывайте! Не верю. Не вижу вашего понимания философских концепций. А вот тут остановка. Мол, само собой разумеется и всё понятно. Получается, как Коровьев трещал о бале: "Потрясающе! Все очарованы, влюблены, раздавлены, столько умения, обаяния, шарма!" Вы увидели бал?

Итак, "Мастер и Маргарита" со "сложнейшими философскими концепциями". Алиса — тоже, но в ней веселее ответы на вопросы. И краски мультипликационные.

Но:

Рассудительный взгляд героини:

Здесь на чертовщину.

Там на чудеса.

Здесь крем.

Там — пузырек "выпей меня",
подлый пирожок "съешь меня!" и т.д.

Здесь: грач в клетчатой фуражке.

Там: кролик в перчатках и цилиндре.

И все эти: видима-невидима, больше-меньше — всякие изменения, которым главные героини не удивляются, а удивляются деталям практическим. Не бал удивил Маргариту, а как всё поместилось в "обыкновенной московской квартире". И Алиса! "Зачем красят розы?"

Полет!

В Москву! А, вот, наконец, и классические ужасы: луна, кладбище, и нечистая сила. Не зря же были: клык, щетка и красота ведьмы.

Но все равно здорово! Верю! Лежу! "За мной, читатель, и только за мной!" За Вами, писатель, мессир, и только за Вами! За кем же? "Невидима и свободна!" Ветер в душе!

ЧИ-ТА-Ю!

Вообще, все это ТАК интересно!

ВОЛАНД. /Дьявол дома. Игра в шахматы./

Он все понимает, а вот, что Бегемот жульничает он не может понять. Невозмутимый /кокетничает перед Маргаритой/: "шах королю." И рассматривает глобус. /Гроссмейстер небрежный/. А в ответ, вдруг: "Вы переутомились, мессир, нет шаха королю." — "Что такое?" — в недоумении спросил Воланд и стал глядеть на доску." Дух зла. Своим всепроникающим глазом. Вот это у него вызвало недоумение.

И колено больное, и Гелла втирает мазь — он морщится...

Воланд. Бесхитростный дьявол — удовольствие от дежурных комплиментов. Маргариты.

Воланд. Бал. Устало, подчеркнуто-небрежно... "опираясь на шпагу"... "стоптанные туфли"... И при всем — "продолжала стоять полнейшая тишина".

Воланд.

Все понимает.

Всё может.

И устал во всеилии.

Всепонимание не дает участвовать искренне в чем бы то ни было. А тем более в увеселениях.

Ужин после бала. Добрый доктор Булгаков. Азazelло у него отлично знает устройство сердца. Куда стрелять. И голова Берлиоза на подносе. — Писательское воображение подогрето медицинским образованием.

Маргарита обожала, когда делят что-то первоклассно. Потому мне нравится Воланд...

Воланд и кот.

"Пошел вон",

"Молчи",

"Молчи, черт тебя возьми" — а он любит этого кота потому что. Это его слабость.

Воланд и Маргарита. /Сложности отношений./

Приемы его не дьявольски-тонкие, а очень явные. Так не сложно их раскусить. Земной женщине. Вообще, он не величественно-равнодушный, а с характером. Но какой характер — ведь это Сатана? А, в этом-то и прелесть: уязвимый дьявол.

Воланд. Он своим текущим над скалами голосом выговаривает: "критик Латунский". И уж совсем человеческое: "Вот тебе раз! А зачем же?" Дух зла.

Алоизий Могарыч. О, мастер! Был от этого его друга мост к Иуде. Но смущало отношение самого мастера: "до сих пор о нем жалею... замечательно умный..."

И вдруг:

Да ведь Иешуа говорил об Иуде: "Очень умный и любознательный человек" — говорил уже преданный им.

Да, теперь две четких параллели.

Воланд и мастер. Мастер с ним разговаривает, как Иешуа с Пилатом. Бесстрашно и просто..

Воланд, мастер, Маргарита. "Можно пошептаться?" "Воланд кивнул". — Усталость в этом и чуть печаль от любовных сцен сегодняшних перед ним. Вечен. Всеилен.. Отстранен. Одинок.

Маргарита. С мастером надо все время быть сильной. С Воландом можно позволить себе слабость. И испугаться Абадонны-смерти. А потом подло-подло спросить: "А нельзя, чтобы он снял очки?" — "А вот этого нельзя". — строгий мужской ответ.

Человечные страницы — дьявольская компания дома. Все с характерами земными и все симпатичные. А Гелла с Маргаритой вообще "сочно расцеловалась на прощание". Родственные души.

Коровьев — артистическая натура.

Азazelло — исполнитель.

Кот — любимец мессира.

Гелла — лаборантка.

Мастер у Воланда. "И ночью, и при луне мне нет покоя!" Ведь это слова Пилата. Почему они сейчас в устах мастера? Берет на себя муку Пилата? Он же мастер! Ведь это он угадал сына звездочета". Ведь он — угадал! Значит, прочувствовал то, что тот. Или у самого такая тоска, что вровень словам, цену которым он знает.

Воланд, мастер, Маргарита.

Они ушли.

А он остался со своим всемогуществом неоспоримым...

Воланд и Левий Матвей. "Он просит, чтобы женщину, которая любила и страдала из-за него, вы тоже взяли с собой." — "А то б мы без тебя не догадались." Отношения ада и рая. Натянутые.

И еще. Суть вещей не меняется на языке добра или зла о них говорить.

И еще. Не будет тени — не будет и того, что ее отбрасывает, т.е.

жизни.

Пилат и Афраний. Даже друг перед другом восхваля^{ют} кесаря. Два ненавидящих его человека. Но у^д того и у другого карьера. А зачем она, Пилат? Кндалы надеты на душу, на слова. А утром еще стоял нищий Иешуа. А ему "правду говорить легко и приятно". Легко. "Ласточка влетела под своды коллонады". Мысль о том, что-бы оставить Иешуа при себе.

"Ласточка кружила". Секретарь подал новый донос — смертель-
ный.

"Ласточка вылетела". Невозможность удержать.

ИУДА. В "новеньком талифе", с кисточками, в скрипящих санда-
лиях — всё такое жалкое, новенькое... А Алоизий Могарыч — "ван-
ну пристроил... одна побелка... купорос..."

Боже мой.

Кисточки — купорос,

Иуда — Могарыч,

Предательство — предательство.

Первосвященник Каифа. Праздник. Святильники во дворце. И пяти-
свечия спорят с луной. И искренность славословий? Значит, пре-
дательство — разрешенное средство, если великая цель: спасти ве-
ру? Но все же он скрыл, что давал деньги кому бы то ни было.
Скрыл от людей. Значит, понимал, что на всех языках это звучит
одинаково. Но от бога не скроешь. А, бог простит...

Но, что было делать Каифе? А надо было то, что Иешуа су-
масшедший — доказать. Не можешь, — тогда прислушайся к "сумас-
шедшему". Но тогда рушится благо собственное. И, может быть, от
него стрелочка к фанатизму религиозному. Фанатизм разгорелся и
почти сжег свою первопричину. Но любой фанатизм имеет причину
земную. И опять: боязнь за себя...

Убийство Иуды. "Проговорил не своим высоким и чистым молодым
голосом... — ему бы так жить, этот бы его голос. Зачем? Всего-
то за 30. Равно побелке, купоросу... Но потом было ^{бы} больше. Ало-
изий Могарыч дорос до финдиректора Варьете. И дальше пойдет.

Николай Иванович "летел куда-то ко всем чертям". А он буквально

летел ко всем чертям. И буквально: черт ЗНАЕТ, что такое. И симпатично это ругательство в устах Воланда. К каким чертям посылал он?

Живешь в этой книге и плачешь и смеешься — буквально. Только что Пилат — и горе его входит в тебя и душит. А вот "иностранец" в магазине. Овладевший внезапно русским языком. Вследствие удара по голове. Ничего себе писатель! Мессир.

Магазин.

Спевшаяся парочка — Коровьев и Бегемот... Гелла занята.

Мессир бестрастен.

Азazelло не особенно обладает юмором.

А эти... два хулигана — гуляли. Напоследок. По Москве.

Пожар Грибоедова. Все подвижники под одной кровлей. Всё-таки сжег добрый писатель это гнездышко напоследок. "Салют, мессир!" — радуются поджигатели. "Очень хороши" — отвечает Воланд. Но не долго печалится, что подвижники останутся без крова. "Надеюсь, новое здание будет лучше прежнего." То есть ничего не изменится.

Приход Азazelло к мастеру и Маргарите. "Привет от мессира!"

Хорошее знакомство они свели. А хорошее!

Конец квартиры №50

Вылетели с дымом...

И струйкой сквозняка тоска вслед.

Может быть от слова "силуэты"...

Может быть от слова "показалось"...

/Когда они только обосновались в "нехорошей квартире" и Воланд вежливо сообщил Степе Лиходееву, что тот лишний — было весело./
Воланд... Воланд...

Стёпа прилетел из Ялты "несколько причудливо одетый".

Ночная рубашка и бурка. Прихотливый вкус.

Воланд. "Протянул руку в черной перчатке с раструбом". Уже не

тот, в ночной рубашке с заплатой, уже не доступен. Здесь": при исполнении.

Всё равно середина книги лучше, чем конец, пусть самый хороший. А хороший ли конец? Они вынуждены уйти.

"Силуэты" — "ночь" — "плащ" — "прощайте" — тоска.

Прощание мастера с Москвой. "Навсегда" — это надо осмыслить." Но разве можно? Осмыслить — это найти какую-то логику. А "навсегда" равно слову "смерть", равно слову "никогда". Лучше не думать, потому что не осмыслить. То есть не успокоиться.

"Пора!" — о, это уже не тот "страшный голос" Воланда, каким он кричал на толстого Бегемота...

ВОЛАНД. Как и бал его соответствует названию главы "Великий бал у Сатаны", так и сам Сатана в настоящем облики не разочаровал. Когда плащом его запырило небо и оно стало ночным! Но что-то потеряно. Больное колено? Слова: "вот тебе раз, а зачем же"? Да.

Мастер и Маргарита. А им все равно, где быть. Лишь бы вместе.

Воланд и Пилат. Отпустил! Спасибо, мессир. И мою душу отпустил.

Воланд и мастер. "Мне туда?" — вопрос художника. Опять за своим героем... Нет. Книга окончена. И мастера отпустил.

/Последнее/.

Этот писатель — мастер — мессир "преступно использовал свою громадную способность внушать."

Все разошлись.

Пилат вверх. Воланд вниз. Мастер и Маргарита — растаяли. Стою на черной скале: "Прощайте!"

.....